

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

В. А. Возчиков

«ОБОЖАНИЕ» КАК СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА СЧАСТЛИВОГО

УДК 37.032
ББК 74.03(2)

Обычай дружеского «обожания», бытовавший в женских учебных заведениях дореволюционной России, интерпретируется как естественное стремление воспитанниц к доброте, любви, нежности; во многом благодаря традиции «обожания» годы, проведенные в закрытых институтах, вспоминались русским дворянкам как самое счастливое время в жизни.

Ключевые слова: воспитание, образование, женские учебные заведения, дружба, ритуал обожания, становление духовности.

V. A. Vozchikov

«ADORATION» AS A WAY OF BECOMING A HAPPY HUMAN BEING

The custom of friendly "adoration", which was common in female educational institutions of pre-revolutionary Russia, is interpreted as a natural tendency of students to kindness, love, tenderness. Largely due to the tradition of "adoration" years spent in closed institutions, were remembered by russian noblewoman as the happiest time in their lives.

Key words: upbringing, education, women's educational institutions, friendship, ritual of adoration, spiritual formation.

Из лицейского дневника Пушкина: «Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец, я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!.. <...> Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакулиной!» [5. С. 338].

Сколько восторженных мальчиков и девочек с чистой и светлой душой точно так же томились «под окошком», «случайно» подкарауливали «на лестнице» «предмет» своей мечты и восхищения!.. Во времена Пушкина, кажется, еще не использовали для описания чувств слово «обожание», но, по сути, речь именно об этом: бескорыстном, искреннем любовании Другим!.. В дворянских институтах благородных девиц обожание стало принимать характер доброй игры, однако к основе ее была все та же потребность в дарении своего внутреннего мира и стремлении приобщиться к иной духовности, воспринимаемой в качестве идеальной. Над «обожанием» насмехались, им умилялись, находили «вредным», ненужной тратой времени, о нем порой помнили всю жизнь как о чем-то светлом, радостном... Собственно, оно все-гда было и будет в том или ином виде, нужно только со всей искренностью вопрошать собственную душу!..

Специфику девического институтского «обожания» тонко подметил современный исследователь [см.: 1. С. 18–19].

Во-первых, «обожание» допускалось только между лицами, занимавшими в институтской иерархии разное положение, причем «обожание» должно бы-ло как бы «приподнимать» того, кем владеет это чувство, над его действительным статусом. Так, младшие могли «обожать» старшеклассниц (но не наоборот!..), а еще — учителей, классных дам, священника, словом, взрослых, входящих в сферу института. Для старших девочек, кроме «местных» взрослых, предметами восторгов могли становиться приходящие на свидание родственники и даже молодые люди, появляющиеся на институтских балах!..

Во-вторых (нередко даже вследствие того, о чем сказано «во-первых»), «обожание» могло быть более ритуалом, «игрой», нежели чувством, для искреннего проявления последнего предназначалась дружба, которая связывала ровесниц часто даже не только в институтские годы.

Что делала «обожательница» для своей фаворитки?.. Чинила перышки для письма, шила тетрадки, публично восхищалась своим «предметом», помогала, между прочим, при утреннем туалете... Взрослому можно было незаметно положить в карман пальто надушенный духами платочек, а то и «вкусно» надушить шляпу «божественного» учителя, порой сверх всякой разумной меры, — ниже мы еще скажем, как такое внимание возмутило однажды Ушинского!..

Сегодня мне представляется, что наша детская игра в конце 60-х гг. прошлого века в школе Советского Союза была отголоском не только

относительно недавно закончившейся Великой Отечественной войны, но и своеобразным преломлением традиции «обожания». Игра называлась «Мой солдат» и состояла в следующем. Нужно было постараться утром первым увидеть мальчика, с которым накануне договорился играть, и, так сказать, «засолдатить» его, то есть крикнуть: «Мой солдат!» Успел это сделать раньше товарища — значит, тот на весь день у тебя в подчинении: может носить за тебя портфель, поделиться булочкой, оказать какие-то иные мелкие услуги... Проблема была не «переусердствовать», так как на следующий день в роли «солдата» мог уже оказаться ты сам!.. В общем, игра совершенно беззлобная, развивающая фантазию, взаимовыручку... В «Мой солдат» играли несколько дней, через какое-то время начинали снова... Кажется, игра не перешагнула границы начальной школы.

Насколько позволяют судить наши наблюдения, «обожание» в его распространенном понимании — явление уже XIX века, причем даже не первой его четверти. Во всяком случае, «первая смолянка» Глафира Алымова (Г. И. Ржевская), выпущенная из Смольного в 1776-м с золотой медалью первой величины и золотым шифром после двенадцатилетней учебы, о нем в своих воспоминаниях даже не упоминает [см.: 6]. Правда, она пишет об удивительной и, в общем-то, трагической любви к ней знаменитого Бецкого, но это если и обожание, то иного рода, поистине, сюжет для осмысления писателя высочайшего уровня, например, Макса Фриша!..

Ничего не сообщает в 20-х гг. XIX века об обожании и Елизавета Аладьина, воспитанница Санкт-Петербургского Дома трудолюбия для благородных девиц (позднее — Елизаветинский институт). Однако в плане наших рассуждений весьма интересен обычай, сложившийся в Доме, о чем Елизавета Васильевна вспоминала так: «Каждая из девиц, оканчивавшая курс учения в Институте и отличившаяся своими успехами в науках, имела неоспоримое право на титул старшей девицы. Ей отдавали новеньких на руки, т. е. поручали непосредственный надзор за этими новенькими.

... Я не была больше новенькою, и других новеньких уже отдавали мне на руки. О! Каким восторгом пламенела юная душа моя, — какое чистое чувство благородной гордости волновало грудь мою — при этом отличии (!) я радовалась, важничала, и даже осмеливалась покрикивать на ту или другую новенькую, разумеется, только тогда, когда они учились дурно, или резвились через чур» [З. С. 21, 55]. Думается, данное отношение можно интерпретировать как «обожание сверху», т. е. «обожание» организованное, разрешенное, приносящее пользу. Обожание как ритуал, игра, о котором говорим мы, — своеобразная разновидность такой воспитательной практики, когда «сильные» помогают «слабым» (именно такой метод Песталоцци называл «развивающим обучением!..).

К слову, какие же замечательные воспоминания оставила Аладьина!.. Приведем хотя бы описание ею знаме-

нитого наводнения в российской столице в 1824 году: «В один день, день памятный Северной столице России (это было 7 Ноября 1824 года), я не знала урока из Математики, со страхом и трепетом ожидала роковой минуты, в которую позовут меня к доске, и оштрафуют за незнание урока; делать было нечего, я сидела у окна, и булавочкой отцарапывала зеленую краску со стекол. Вдруг, как грозный звук трубы Ангела, зовущий на суд живых и мертвых, голос Dame de Classe зовет меня к грозной Математике; я встаю, механически заглядываю в окно, и кричу моей Dame de Classe; посмотрите, посмотрите — у нас на улице речка! Dame de Classe бежит к окошку, выглядывает на улицу, — Математика забыта! — и я не на коленях! Стихии бушевали, память всемирного потопа осуществлялась пред нами, все засушилось, забегало, таскают то и се с низу на верх, кастрюльки, белье, плавают в воде, Ай! Ах и Ох! — раздается всюду, мы смеемся и плачем, плачем и смеемся. Начальница унимает нас, говоря, «Бог посетил нас бедствием: надобно молиться Ему!» — и мы молились Богу от души. Все Институтки пали на колени, старшая дама, держа молитвенник в руках, читала вслух каноны и стихиры; когда уставала она, то продолжали читать старшие девицы попеременно. Так прошло несколько часов; напоследок, Господь внял усердным мольбам, воссылаемым к Нему из глубины сердец чистых и невинных: буря затихла и вода начала убывать» [3. С. 41–44].

Упоминание Л. Ф. Гиргас об «обожании» в контексте истории

Смольного института относится к временному отрезку ближе к середине XIX века, во всяком случае, уже ко времени начальствования М. П. Леонтьевой (с сентября 1839 г., после смерти Ю. Ф. Адлерберга): «От однообразия и скуки, а мо-жет быть и потому, что нежные чувства детей, оторванных от дома, искали себе пищи, затевались обожания подруг и учителей, нужно было непременно, под каким-нибудь предлогом, убежать из класса или из дортуара, чтобы лишний раз посмотреть на обожаемое лицо («висеть на лестнице», по выражению классных дам)» [7. С. 9].

Елизавета Водовозова (супруга известного педагога), вспоминая о своей жизни в Смольном институте в 50-х гг. XIX в., едва ли не с отвращением описывает практику «обожания»: «Постепенно утрачивая естественное чувство (следствие закрытого характера учебного заведения. — В. В.), институтки сочиняли любовь искусственную, пародию, карикатуру на настоящую любовь, в которой не было ни крупинки истинного чувства. Я говорю о традиционном институтском “обожании”, до невероятности диком и нелепом. Институтки “обожали” учителей, священников, дьяконов, а в младших классах и воспитанниц старшего возраста.

Встретит, бывало, “адоратриса» (так называли тех, кто кого-нибудь обожал) свой “предмет” и кричит: “adorable” (обожаемая), “charmante” (очаровательная), “divine” (божественная), “celeste” (небесная), целует обожаемую в плечико, а если это учитель или священник, то уже без

поцелуев, только кричит ему: “божественный”, “чудный”.

Наиболее смелые из обожателей бежали в нижний коридор, обливали шляпы и верхние платья своих «предметов» духами, одеколоном, отрезали ключья шерсти от шубы и носили их в виде ладанок на груди. Некоторые воспитанницы вырезали перочинным ножом на руке инициалы обожаемого “предмета”, но таких мучениц, к счастью, было немного» [2. С. 145—146].

К. Д. Ушинский, только-только приступивший к работе в Смольном институте (1859 г.), был буквально взбешен девчоночьими шалостями. Константин Дмитриевич, и так-то не отличавшийся сдержанностью характера, устроил настоящий нагоняй, как с обидой отмечает Водовозова, «взрослым девушкам»:

«Однажды, когда у нас только что кончился урок, в класс вбежал, буквально вбежал, худощавый брюнет, который, не обращая внимания на наши реверансы и нервно комкая свою шляпу в руках, вдруг начал выкрикивать:

— Вы здесь изучаете нравственность, а не знаете, что портить чужую вещь духами или другою дрянью не деликатно!.. Не каждый выносит эти пошлости! Наконец, почему вы знаете... может быть, я настолько беден, что не имею возможности купить другую шляпу... Да куда вам думать о бедности! Не правда ли... ведь это *fi donc*... совсем унижительно! — И с этими словами он выбежал из класса.

Мы были так ошеломлены, что стояли неподвижно. И было отчего: хотя классные дамы ежедневно осы-

пали нас бранью, но от мужского персонала, от наших учителей и инспектора мы никогда не слышали грубого слова...

“А это что за инспектор? Не успел появиться, — и уже осмеливается орать на нас, взрослых девушек, как на базарных мужиков!” “Неужели такое преступление — облить шляпу духами? Мы всегда так делали, и порядочные мужчины были только польщены этим!..”

“Какой-то невоспитанный, некомпьютерный!..”

“И как неприличны его слова о бедности!..!” [2. С. 183].

Весьма пренебрежительно, в духе Водовозовой, высказывается об «обожании» Анна Энгельгардт, закончившая московский Екатерининский институт в 1855 г. На ее взгляд, «пресловутое обожание, этот в высшей степени глупый, хотя, в сущности, весьма невинный обычай», возникает случайно и объясняется очень просто:

«В сущности же ларчик просто открывался: приласкает, бывало, кто-нибудь из больших новенькую из чувства жалости или за ее милость. Новенькая, охваченная суровой обстановкой, запуганная, смущенная, растает от неожиданной ласки. Старенькие заметят это:

— А ты, значит, должна обожать ее!

— Что значит обожать? — спросила новенькая.

— Это значит, что она будет твоим *objet*, а ты ее *adoratrice*.

— Да что ж это такое? — допытывалась новенькая.

— А вот что. Ты будешь кричать,

когда она будет проходить мимо тебя: «*Charmante! divine! adorable!*», будешь целовать ее в плечо! будешь посылать ей конфеты, которые тебе привезут родные. А она будет тебя счастливить, т. е. иногда в рекреацию позволит ходить рядом с собой и разговаривать, и когда ты поцелуешь ее в плечо, то поцелует тебя в голову.

Новенькая следует совету и начинает обожать.

Вот и все, буквально все.

Иногда дело происходило еще проще, еще глупее, еще комичнее.

Заявит кто-нибудь:

— *Mesdames!* давайте обожать кого-нибудь!

— Давайте! кинем жребий» [9. С. 163–164].

Впрочем, не только К. Д. Ушинский в тогдашних женских учебных заведениях весьма экспрессивно выражал свое отношение к девичьему «обожанию». Весьма выразительные эпизоды приводит в своих воспоминаниях Людмила Худзинская-Гоельская, учившаяся в 1892–1896 гг. в Рязанском епархиальном училище: «Один раз я запоздала на урок, и когда вошла, наш законоучитель сидел за кафедрой и громил двух маленьких третьеклассниц Бурову и Дуванову, стоявших за первой партой, смущенных и раскрасневшихся:

— У меня есть жена для того, чтобы пришивать вешалки, а вам никакого дела нет до этого. Вы вот мне лучше учите уроки, а то вы еле натягиваете тройки, и стыдно барышням такими пустяками заниматься да записочки по карманам раскладывать.

Потом я помню еще сцену. Одна

приходящая шестиклассница во время большой перемены всегда встречала и провожала из класса до учительской этого же законоучителя и часто обливала его духами. Он ужасно злился, кусал губы, но все же не решался оборвать ее. Наконец обернулся один раз внезапно, почти наткнувшись на нее, и распустил ее. Ну, на время прекратили проводы, но потом опять начались. Это самый частый прием обожания. Одному бедняге учителю пения Ляля С. залила все глаза духами. Он вскрикнул от боли и, как сумасшедший, вместо того чтобы идти в класс на урок, побежал в учительскую промывать глаза. Конечно, была ей проборка за это. Этот учитель бывал у нас в доме, и Ляля С. очень просила меня познакомить ее с ним, но они все как-то не встречались. И вот как-то мы гуляли по Большой. Он тоже гулял с каким-то господином. Она все делала ему глазки, но он этого не замечал, тогда она толкнула его, проходя мимо. Он обернулся, посмотрел на нее. Мне страшно неловко сделалось, и я сконфузилась, так как он мог подумать, что я участвовала в этом поступке, я разозлилась на нее и сказала, что не буду с ней больше гулять, если она еще что-нибудь себе позволит подобное, но она опять его толкнула, только чуть-чуть. Я ушла от нее, тогда она на другой день облила его духами и так неудачно, что он только рассердился на нее и, конечно, не мог чувствовать к ней никакой нежности за причиненную боль.

Я как-то не чувствовала никакого тяготения ни к кому, да и как-то мне не по душе было подобное проявление

любви, держалась в стороне, была вежлива со всеми, но осторожна и не доверяла, так как несколько насмешек отбили у меня охоту доверять» [8. С. 87].

Татьяна Морозова, поступившая в Харьковский институт благородных девиц незадолго до революционных событий в России, возражает — совершенно, на наш взгляд, справедливо — против неадекватно резкой оценки явления, типичного для любого учебного заведения, не обошедшего даже советскую школу: «Я убеждена, что “обожание” имеет место в среде любого учебного заведения. В институте оно усиливалось замкнутостью жизни и бедностью серьезных внешних впечатлений. По опыту собственной восьми-летней работы в средней школе знаю, что и советскую школу не миновала влюбленность юных в старших, трогающих молодое воображение, несущих в себе зерно прекрасного или кажущихся воплощением идеала» [4. С. 453].

Все дело в «жажде дружеского общения», утверждает Татьяна Морозова: «В мое время в нашем институте “обожание” было явлением совсем незаметным. Я бы даже ска-

зала: Его не было. Но я “обожала”.

Сначала я познакомилась с девочкой старше меня на один класс — Марусей Синицкой. Я встречала ее в рекреационном зале, подходила к ней, и мы обменивались несколькими словами. Мне нравилось ее правильное овальное личико и синие глаза. Мы были на “вы”, я относилась к ней с некоторым почтением, как к старшей, но нас, смею думать, связывала простая взаимная симпатия. Почему это называлось “обожанием”?» [4. С. 451].

Какой же это был трогательный, бескорыстный, добрый обычай «обожания» в российских девических институтах!.. Девушки словно сами воспитывали себя через нежные фантазии, осознание необходимости душевной привязанности к кому-либо!.. Наверное, с позиции так называемого здравого смысла «обожание» иррационально и неразумно, однако русскую школу традиционно волновал не объем формальных знаний, который освоит ученик, а насколько возвышенна и чиста будет у него душа!.. Спонтанно или осознанно возникающее «обожание» — важный этап становления человека счастливого.

Список литературы

1. Белоусов, А. Ф. Институтки / А. Ф. Белоусов // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. Изд. 4-е. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с. — (Серия «Россия в мемуарах»).

2. Водовозова, Е. Н. На заре жизни / Е. Н. Водовозова. — Ленинград: Гос. изд-во детской лит-ры Мин-ва просв. РСФСР, 1963. — 431 с.

3. Воспоминания институтки. Сочинение Ел... Ал... — Санкт-Петербург: Типография Конрада Вингебера, 1834. — III, 95 с.

4. Морозова, Т. Г. В институте благородных девиц / Т. Г. Морозова // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. Изд. 4-е. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — С. 389—506. — (Серия «Россия в мемуарах»).

5. Пушкин, А. С. Из лицейского дневника / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собр. соч. в шести томах. Т. 6. Критика, публицистика, историческая проза. — М. : Правда, 1969. — С. 335—343. — (Б-ка «Огонек»).

6. Ржевская, Г. И. Памятные записки / Г. И. Ржевская // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. Изд. 4-е. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — С. 33—66. — (Серия «Россия в мемуарах»).

7. Статс-дама Мария Павловна Леонтьева — Киев: Типография Императорского университета Святого Владимира, 1895. — 71 с.

8. Худзинская-Гоельская, Л. А. Записки епархиалки / Л. А. Худзинская-Гоельская // Епархиалки: Воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / Сост., предисл., подгот. текста и коммент. О. Д. Поповой. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. — С. 84—108. — (Серия «Россия в мемуарах»).

9. Энгельгардт, А. Н. Очерки институтской жизни былого времени. Из воспоминаний старой институтки / А. Н. Энгельгардт // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. Изд. 4-е. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — С. 127—214. — (Серия «Россия в мемуарах»).